

Молчун обнажил руку Лэй Бэньчана, и я увидел на коже выжженный каленым железом рисунок, похожий на татуировку народа мяо: "Эту метку использовал Чэнь Пи четвертый, когда жил в деревне мяо".

Я присмотрелся. Шрам от ожога давно зарубцевался и побледнел, можно было рассмотреть общую форму метки, но сам узор трудно различим.

"Ты его помнишь? Это человек четвертого дедушки?"

"Только его люди в деревне мяо использовали тогда эту метку. Я в то время тоже жил там, — ответил он. — Но конкретно его я не помню. Хотя, вполне возможно, он держал светильник и для меня".

Я знаю, что когда-то давно Молчун, потерявший память, работал на четвертого дедушку и занимал при нем очень высокое положение. Я вздохнул и поинтересовался, чем болел Лэй Бэньчан. Не приблизило ли его кончину вино, предложенное Толстяком?

Услышав мой вопрос, Толстяк рассвирепел: "Наивняшка, это вино я взял у нашей соседки. И нечего на меня стрелки переводить. А вообще-то упиться до смерти, на мой взгляд, отличная смерть. Можно сказать, что мы устроили "радостные провода" старику, который отдал жизнь за благородное дело. И перед смертью его не мучили психологические проблемы".

Молчун, пропуская мимо ушей эту гневную тираду, сказал: "Хорошо, что он смог добраться сюда".

Наверно, Молчун при первой встрече уже знал, что жить старику осталось недолго. Правда, для деревенского жителя он и так был слишком старым. И Молчун просто решил отдать дань уважения прежде, чем старик умрет. Я замечал, как часто на привалах младший брат задумчиво смотрел на старика, дремлющего на солнышке.

Толстяк заявил, что никто, кроме сотрудников дома для престарелых, не может точно предсказать время смерти. Но, возможно, младший брат за свою жизнь столько проводил в мир иной, наблюдая их естественную смерть от болезней или от старости, что запомнил внешние признаки приближающейся кончины.

Он видел, что у Лэй Бэньчана не осталось уже жизненных сил, и светильник его жизни вот-вот погаснет, поэтому в тот день поддержал Толстяка. Он хотел привести старика сюда, чтобы напоследок он оказался хотя бы в шаге от погибшего сына. Это лучше, чем позволить умирать ему, мучаясь бесполезными сожалениями.

Похоронные ритуалы мы совершили по тибетским традициям. Я много времени там провел, и хорошо знаком с тибетскими обычаями. Затем похоронили Лэй Бэньчана в солончаке. Надгробную плиту здесь сделать было не из чего, но, может быть, это и к лучшему, таким людям, как он, не нужны памятники на могилах. Правда, Толстяк соорудил самодельный крест, чтобы отметить место погребения.

"Он же не католик, разве можно так делать?" — спросил я, когда мы поминали старика, вином. Он ответил: "У каждого даже после смерти должно быть место, принадлежащее только ему. Иначе мертвец станет цзунцзы. Кстати, младший брат, ты ведь хорошо ко мне относишься. Если заметишь, что я собираюсь коньки отбросить, скажи мне заранее. Найду себе лучшую цветочную девушку напоследок. Я не должен умирать, лежа в постели в одиночестве". (прим. цветочная девушка - проститутка.)

Я с удивлением уставился на него, но ничего не сказал, сделав еще пару глотков. Алкоголь не дал нужного результата, я чувствовал гнетущую тоску в душе. Глядя на темное озеро, я задумался о своей собственной жизни.

Большую часть своей жизни я впустую потратил, гоняясь за третьим дядей. Зато в процессе этих поисков встретил двух людей, ставших друзьями. Из-за них я метался последние десять лет обезглавленной мухой. И, если бы умер перед бронзовыми воротами, то моя жизнь закончилась бы так же, как и у этого старика. Однако, разница все же есть: столько людей слишком многим жертвовали ради меня.

Такое случается сплошь и рядом. Но я бы предпочел, чтобы у старика приключился инфаркт в тот момент, когда мерзкая рыба попала к нему на крючок, а не до этого.

Пока я предавался размышлениям, Молчун собрал удочку старика, забросил ее на плечо, захватил плетеную бамбуковую корзину и медленно направился к стене.

Я взглянул на Толстяка. Он пожал плечами: "Рискну перевести. Младший брат имеет в виду, что мы взяли задаток. Надо довести дело до конца".

Мы встали и последовали за ним. Я закрепил леску на удочке, смешал куски мяса рыбы с гробовым трутовиком, насадил наживку и забросил их в воду. Затем установил фонарь так, чтобы хорошо видеть поверхность озера.

Вдалеке сгущалась тьма. Я знал, что где-то там возвышается храм Лун-вана мертвого озера. Толстяк время от времени поглядывал туда, но старался не спускать глаз с поплавок. Удочки дрожали на сильном ветру. Мы втроем остались стоять, не решаясь расслабиться ни на минуту, и все, как один, держали руки в карманах.

Я еще не успел сосредоточить внимание на поплавках, когда заметил всплеск в том месте, куда была брошена наживка.

Я сразу присел на корточки, готовый в любой момент поднять удище, и в этом положении более ясно увидел рябь на воде.

Эта рыба такая наглая? Мое сердце сжималось от грусти. Проживи старик на день больше, сам бы мог выудить из воды этого Лун-вана. И тут я услышал треск, удочка изогнулась дугой.

Я поспешил схватить ее, осторожно потянул назад и почувствовал, как рыба сопротивляется, словно мы с ней играем в перетягивание каната. Через две секунды леска со звоном оборвалась.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/82870/3263771>